

Инна КИМ

ЗЕМЛЯ ЛЮБВИ ЖИВОПИСЦА АРБАЧАКОВОЙ

Вы бывали летом в Усть-Кабырзе? Природа здесь практически не тронута цивилизацией. В просвечивающих до последнего донного камушка Кабырзе и Пызасе плавают шустрые рыбки, которых, кажется, можно погладить прямо по спинке, от головы до хвоста, как котят. Бревенчатые домики пасутся небольшими семейками-улочками на сочной зелени широких горных подножий. А лениво помахивающие хвостами пятнистые коровки хрумкают яркую карамельную травку. В этом небольшом таежном поселке, в окружении негромкой здешней красоты, в круглом доме-аиле под заметной красной крышей живет живописец и график, поэт, ученый-исследователь шорского героического эпоса, кандидат филологических наук, член Союза художников и Союза писателей России Любовь Никитовна Арбачакова.

Недавно эта хрупкая и нежная, удивительно скромная женщина разменяла седьмой десяток. Только если вы об этом не знаете, ни за что не поверите!

А если вы не были в Усть-Кабырзе, то, значит, не видели сияющую над головой голубую бездну нереальных небес и застывшие вокруг сказочные мохнато-зеленые горы, под сенью которых охватывает ощущение, словно вы попали совсем в другой мир. Имя ему — Горная Шория.

Эта земля не может похвастать экзотичностью. Но она открывается любящемуся взгляду, как цветок в наполненном щебечущей солнечной тишиной утреннем лесу: с застенчивой детской улыбкой. И если всмотреться в бесхитростные пейзажи, в настроения неба и рек, гор и деревьев, то наполняющий их свет непременно отразится любовью в сердце — такая с раннего детства поселилась внутри Любви Арбачаковой.

В родном Анзасе

Сама она родилась в похожей на Усть-Кабырзу шорской деревушке — только намного меньше. Родной Анзас, которого давно уже нет на свете, насчитывал всего пять дворов. А вот семья, наоборот, была большая — девять человек. Дети и взрослые жили в двухкомнатном доме с голубыми наличниками, который в 1960-х годах построил отец. И когда все семеро ребятишек садились за большой круглый стол, они хлебали из одной чашки. А родителям и вовсе приходилось есть отдельно — места за столом просто не хватало.

— Я из шорского рода Таёш, — с удовольствием рассказывает о проведенном в сердце Горной Шории детстве Любовь Никитовна. — В Анзасе у нас были родовые угодья и родовая гора, где папа охотился и бил шишку. Они достались нам от дедушки. Там я видела самые красивые кандьки и подснежники и каталась верхом на самой прекрасной лошади по имени Красотка.

А Красотка и правда была необыкновенно красивой: с белой звездочкой на лбу и с большими добрыми глазами. А главное — лошадь была очень умная. Девочка путешествовала на ее широкой спине по всей округе, нередко оказываясь поздно вечером в дремучей тайге, и Красотка всегда находила дорогу домой, так что маленькая хозяйка даже не просыпалась!

— Она мне как вторая мама была, — улыбается приятным воспоминаниям Любовь Арбачакова.

Эти неторопливые прогулки на Красоткиной спине по черневой тайге Горной Шории — с остановками, чтобы всласть полюбоваться кандыками да подснежниками, — навсегда остались в памяти художницы. Как и ласковые народные песни, которые пела Любина мама. А бывало, выскочит девочка из дома, когда все уже спят, а по вечерней улице разносится пение соседки. Да не простое! Выводит женщина шорскую песню-плач «сыгыт»: вспоминает что-то свое, и плачет, и поет на всю деревню. А очарованная Люба стоит, замерев. Боится волнующую песню спугнуть!

Своей школы в крошечном Анзасе не было, так что Люба, как и большинство шорских детей, училась в интернате. Так и жила вдали от родной деревни и семьи. Окончив школу, девушка поступила в лесной техникум.

— После техникума я могла уехать по направлению во Владивосток, но осталась в родных местах, — делится Любовь Никитовна. — Только я всегда сучалась по своей маленькой глухой деревушке, в которой даже электричества не было.

На единственной в мире кафедре шорского языка

Любовь Арбачакова несколько раз пыталась поступить в учебные заведения, которые выпускали художников. И хотя у нее за плечами не было ни художественной школы, ни изостудии, девушка умудрялась сдавать экзамены на четверки. Однако поступить у Любы не получилось. И тогда она решила просто рисовать так, как ей нравится (а вообще не рисовать она не могла!).

Ну а в качестве альма-матер талантливая шориянка выбрала Новокузнецкий государственный педагогический институт, где на факультете русского языка и литературы как раз открылась единственная в мире кафедра шорского языка и литературы. Это было великое событие — ведь долгие десятилетия шорцы, по сути, оставались безъязыкими. Родной язык не изучали даже в школах, а говорили на нем только в глухих деревнях.

Основатель уникальной кафедры Андрей Ильич Чудояков видел спасение шорцев в возрождении родной культуры. В 1990-х годах на шорском языке был издан целый ряд учебников, словарей, хрестоматий, учебных пособий для школ и вузов. Новокузнецк поддерживал тесные связи со многими российскими университетами и научно-исследовательскими институтами.

Люба стала одной из первых студенток шорского отделения литфака. При чем некоторых студентов известный ученый и неординарный человек Андрей Ильич Чудояков приглашал на учебу лично. А вскоре Люба Арбачакова стала одной из его любимых учениц.

— Если честно, я думала, что учиться на шорском отделении будет очень легко, — с улыбкой признается Любовь Никитовна. — Я считала, что прекрасно знаю родной язык, ведь до школы только по-шорски и говорила, а русского вообще не знала. Но оказалось, что учеба в пединституте — это настоящий труд. Зато было невероятно интересно! Я узнала, что шорцы — очень древний народ,

со своими самобытными культурой и языком. И это наполняло меня настоящей гордостью. Мне было приятно, что я шориянка и принадлежу к малочисленному коренному народу Сибири.

Девушка много читала, увлеченно постигая новые знания и тайны родной культуры. А вот на живопись оставалось совсем мало времени. Однако Любовь Арбачакова, несмотря ни на что, продолжала рисовать. Однажды руководитель кафедры шорского языка и литературы, мечтавший, чтобы способная студентка занималась фольклористикой, увидел Любины картины. Педагог тогда расчувствовался и сказал, чтобы она ни в коем случае не бросала живопись. И Любовь Никитовна до сих пор благодарна Андрею Ильичу Чудоякову за это своеобразное благословение.

Первые шаги в искусстве

Какое-то время Любовь Арбачакова преподавала родной язык на кафедре шорского языка и литературы Кузбасской государственной педагогической академии, в которую был преобразован Новокузнецкий пединститут, была ассистентом и старшим преподавателем. А жила она прямо на факультете, в отдельной комнате, где, едва уловив свободную минутку, сразу же хваталась за кисточки. Часто писала картины ночами. А особенно хорошо работалось летом, когда не было занятий и все студенты разъезжались по домам.

Молодая художница начала выставляться — сначала это были сборные выставки. Но главное — ее заметили и даже полюбили! Тогда же у Любви Никитовны впервые купили картину. Живописную «Черемуху цветущую» увезли на свою родину турецкие строители. А художница купила на полученные деньги альбом Сальвадора Дали, который и сегодня хранится в доме-аиле под красной крышей, построенном в тихой Усть-Кабырзе.

Воодушевленная первыми выставками и успехом, живописец Арбачакова решила вступить в Союз художников. Но ей отказали — мол, нет специального образования. И все-таки она стала членом Союза — причем из десяти новокузнецчан в Москве тогда утвердили только пятерых, и в их числе была Любовь Никитовна!

Те переживания давно в прошлом — у художницы узнаваемый почерк, зрители ее любят, а искусствоведы хвалят. Они относят работы Арбачаковой к неoarхаике и этностилю и даже, подчеркивая индивидуальность творца, шутят, что это «арбачаковский стиль». Сама же Любовь Никитовна утверждает, что абсолютно свободна в своем искусстве и пишет, как хочет и что хочет, не думая ни о каких направлениях и стилях.

— Предварительных эскизов и зарисовок я никогда не делаю, а нередко идея для новой картины рождается прямо во время размешивания красок, — признается живописец. — Все образы находятся у меня в голове. Все, что я изображаю, хранится в памяти о детстве, родном Анзасе, шорских традициях. И, конечно, я черпаю вдохновение в истории и культурном наследии моего народа, которое изучаю много лет. Ведь еще с 1994 года я собираю богатырские сказания и легенды. Естественно, в живописных работах я использую какие-то сюжеты из шорского фольклора, и они гармонично переплетаются с моими мыслями, чувствами и детскими воспоминаниями.

Самое главное — любовь

Сама Любовь Никитовна сравнивает себя с путешествующими по земле духов шаманами или со сказителями-кайчи, которые входят в транс и мысленно следуют за своими героями, рассказывая слушателям все, что те видят и делают. Живописец тоже погружается в подобный транс, при помощи кистей и красок совершая путешествия по разным мирам.

Интересно, что искусство Арбачаковой, одновременно тесно связанное с «духом места» и явственно мыслящее архетипами, идентифицируют как «свое» и «родное» представители коренных народов не только Кузбасса, но и Хакасии, Алтая, Тывы. Оно легко укладывается в сложную и живую структуру искусства всей Южной Сибири, при этом раскрывая его с неожиданной стороны и делая богаче и ярче, эмоциональнее и интимнее.

Несомненно, талантливая шориянка обладает сильной художественной интуицией, а ее работы, которые носят выраженный орнаментально-декоративный характер, на самом деле являются потоком сознания, анализирующего «память предков», общую для всех южносибирских народов с тюркскими корнями. Это мир фантазий и снов, ощущений и эмоций, отзывающихся глубоко внутри. К слову, Любовь Арбачакова действительно записывает свои ночные сны и потом начинает их анализировать, прорабатывать и рисовать.

— По традиционному мировоззрению шорцев, все, что нас окружает, имеет душу, — делится Любовь Никитовна. — Духи-хозяева — тагэйзи, су эйзи, он эйзи — есть у гор, воды, дома. Мне кажется, у живописи тоже есть свой дух.

По словам художницы, каждый раз для нее огромная радость взять в руки краски и встать перед чистым холстом. Тогда она может работать и днем, и ночью, буквально не отрываясь от мольберта. Ее вдохновляет пение птиц, которых полно в родной Горной Шории. Часто во время работы Любовь Никитовна включает классическую музыку, которую совсем скоро перестает слышать — так увлекает ее создание нового полотна.

Но самое главное для творчества, утверждает живописец Арбачакова, — это любовь. Именно любовь к своей семье и дому, к истокам и родной культуре помогает художнице создавать неповторимые миры.

Любовь Никитовна Арбачакова участвует в художественных выставках с 1992 года, в 2006 году она стажировалась в X Международной творческой лаборатории стран-участниц ТЮРКСОЙ в Анкаре (Турция). Произведения шорского живописца хранятся в Новокузнецком художественном музее, Кемеровском областном музее изобразительных искусств, Хакасском республиканском краеведческом музее, музее этнографии и природы Горной Шории, в Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля. Она составитель сборников «Алып Кускун. Шорское героическое сказание» и «Фольклор шорцев», а также автор словаря шорского языка в картинках «Каас-пичиги» (совместно с Ф. Г. Чиспияковой). Кроме того, были изданы ее поэтические сборники на шорском и русском языках: «Онзасчерим», «Кольбель любви», «Песни шориянки». Награждена медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса».